

О ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ПЕРИОДА ДЖАДИДОВ**С. Э. Нормаматов***Доктор филологических наук, проректор,
e-mail: sultan@mail.ru,
Ташкентский государственный университет
узбекского языка и литературы,
г. Ташкент, Узбекистан***ABOUT THE LITERARY LANGUAGE OF THE JADID PERIOD****S. E. Normamatov***Doctor of philological science, vice-rector,
e-mail: sultan@mail.ru,
Tashkent State University of Uzbek Language
and Literature,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. In the article the problem of linguistic processes in the Uzbek language of the Jadid period is focused on. In it, the author analyzes the reasons for the use of the elements of "Western Turkic language" in the Uzbek press and fiction of this period in detail and tries to scientifically prove them from a linguistic view point. Attitude towards language, linguistic views, formation of a literary language, normalization of language, attitude towards language, linguistic features, relations with other languages, language learning, multilingualism, inter-personal interaction, their ability to use language skills became more serious over the years of independence. Dozens of researchers, such as S. Bobomurodov, Yu. Saidov, Kh. Uzakov, T. Togaev, L. Djalalova, Z. Choriev, Kh. Kadirova, S. Normamatov, studied these problems. The formation of the Uzbek language has a long history and can be divided into two periods: 1) the period of Alisher Navoi (from the beginning to the beginning of separation from the common public); 2) Alisher Navoi and the subsequent period (XVI–XVIII centuries).

Keywords: jadidism; national language; chagatay language; western Turkic language; tatarism; linguistic norms.

В период творения джадидских просветителей, в конце XIX – в начале XX веков узбекский литературный язык проявляет в себе некоторые нормативные сложности. В данном этапе, во-первых, социально-политические проблемы, во-вторых, образовательно-воспитательные проблемы и проблемы просвещения, в-третьих, сложные теоретические и практические проблемы такие как национальный язык, отношение к литературному языку, приспособление языка к требованиям времени, определение его пути развития как общенационального литературного языка образовали некий коллапс общих проблем.

Можно подчеркнуть, что именно в данный промежуток времени национальный язык (родной язык), в некоторых случаях, вышел из рамки проблемы одной нации и был выдвинут как общетюркская проблема.

В данном случае, можно рассуждать о некоторых причинах, способствующих решению проблемы национального языка, решению ее теоретических и практических проблем, но в большинстве случаев эти причины проявляются как барьеры, мешающие решению поставленных задач. Эти причины состоят из следующих:

1. В конце XIX в начале XX века некоторые представители творческого коллектива стали предпринимать шаги к выводу языка из-под влияния традиционной классической литературы, к ее упрощению, тогда как другая часть продолжала творить, соблюдая традиционные нормы языка.

2. Некоторые тюркские языки стали оцениваться как "продвинутые" и отвечающие к требованиям времени и стали продвигаться идеи о том, что другие "отсталые" языки должны брать пример с них и обогащения своих языковых элементов за счет развитых языков. В этом

плане османский, азербайджанский и татарские языки оценивались как образцовые языки.

3. Во многих случаях, в идейно-языковых взглядах стали проявляться идеи, отклоняющие независимое развитие каждого из тюркских языков и выдвигается идея о создании общетюркского языка для всех тюркских народов. Такая ситуация стала причиной колебания и проявления нестабильности в кругах, борющихся за развитие национального родного языка.

4. Языковая политика, проводимая государством, была направлена не на развитие и равноправие национальных языков, а стала основным барьером в развитии языков народностей. Кроме того, эта политика была направлена на насильственное распространение и внедрение русского языка во все социально-политические, духовно-просветительские сферы. Такая политика привела к существенному разграничению функциональных возможностей местных национальных языков. С другой стороны, эта политика способствовала к внедрению элементов разговорного языка в литературный язык.

5. Известно, что посредством распространения и обучения национального, родного языка укрепляются ее практические возможности, ее роль и место в обществе. Но, в рассматриваемом периоде языком традиционного образования была «язык ислама» – арабский, в новообразованных учреждениях – русский. В результате, борьба за введение родного языка в образовательный процесс, а также усиление ее позиции, стала одним из сложных проблем.

Как видно из вышеописанных, в данном периоде велась борьба между созданием общетюркского языка и развитием национального родного языка, «продвинутыми» и «отсталыми» языками, выдвиганием русского языка как государственного и самосохранением национальных языков, сохранением традиционного ис-

торически сложного языка и созданием нового литературного языка, отвечающего требованиям времени.

Кроме того, в данном периоде уже появилась узбекская пресса (газеты и журналы) и их язык отличается своим богатством смешанного стиля и элементов. В данной прессе можно наблюдать как традиционный язык, так и новые видоизменения в языке, первые влияния родственных языков и русского языка, в некоторых случаях даже просторечие. Данные случаи не давали возможность привести национальный литературный язык в определенную единую норму. Кроме того, в данном периоде также можно наблюдать идею создания единого общетюркского языка, который в свою очередь оживил взаимовлияние родственных языков, в частности османского, татарского и азербайджанского языков и стал причиной подражания одного языка к другому языку.

В итоге узбекская пресса и художественная литература освоила ряд слов и словесных форм с османского, азербайджанского и татарского языков. Основной причиной данного случая можно указать тем, что основой общетюркского языка рассматривался османский, азербайджанский, татарский и «чагатайские» (староузбекский) языки [1; 2; 3; 4].

Несмотря на выдвижение различных идей оценки, анализа и сущности лингвистического явления, так называемого «элементов западно-тюркского языка» в узбекской прессе и художественной литературе начало XX века, на сегодняшний день данная проблема в языкознании не нашла своего решения. В частности, такие проблемы как социально-лингвистические основы проникновения данных элементов в узбекский язык, в каких жанрах и стилях узбекского языка наблюдается их широкое использование, проблемы оценки данных явлений, отношение этих элементов к «огузским элементам», широко использованным в классической узбекской литературе, причины их постепенного вы-

теснения из узбекского языка не полностью изучены в узбекском языковедении.

Для определения ответа к вышеуказанным вопросам нам необходим краткий обзор осуществленных научных исследований по данной проблематике. Первым, кто научно анализировал элементов «западно-тюркского», татарского языков в узбекском языке был языковед А. К. Боровков. По его утверждению, узбекский литературный язык в период 1905–1917 годов не является народным, а представляет собой некий «смешанный» язык. В данном этапе он был «литературным языком переходного периода». В данном периоде в нем использовались множество татаризмов и элементов «западно-тюркского языка». А. Боровков так определяет заимствование татаризмов в узбекский язык: «Татаризмы и элементы западно-тюркского языка занимают важное место в литературном узбекском языке, в особенности в языке периодической прессы. Основной причиной этого, в первую очередь, можно указать на идейное влияние России, Крыма, Азербайджана и частично Турции» [1, с. 20].

По мнению А. Боровкова, эти элементы были заимствованы под влиянием османской и татарской прессы, а также в результате путешествий узбекской интеллигенции в Россию, Турцию, Иран. По мнению А. Боровкова, «Элементы западно-тюркского языка занимали очень прочное место в литературном узбекском языке, в особенности, утвердились в языке периодической печати» [1, с. 21].

А. Боровков следующим образом объясняет причину элементов татарского языка в узбекском языке: «В языке данного периода заимствованные элементы из татарского языка также имели важное значение. Это явление, в свою очередь, можно оценивать результатом непосредственного участия татарской интеллигенции в джадидской прессе. Татаризмы отображаются в фонетических элементах, когда гласные произносятся специфически коротко» [1, с. 21].

Из вышеприведенных цитат видно, что А. Боровков немного преувеличивает по-

зицию и роль элементов «западно-тюркского» и татарского языков в узбекском языке исследуемого периода. Если соглашаться с его выводами, то возникает вопрос: почему с течением времени они не сохранились в нормах современного литературного узбекского языка?

А. Боровков, исходя из своих анализов, нижеследующим образом оценивает состояние литературного узбекского языка в 1905–1917 годах: «Каково было отношение литературного узбекского языка к живому народному языку в период 1905–1917 годах? Чтобы дать ответ на этот вопрос нам необходимо осуществить специальные исследования. В общих чертах на этот вопрос можно дать такой ответ: литературный узбекский язык в периоде 1905–1917 годов в сущности был продолжением старолитературного узбекского языка феодального периода и был далек от живого разговорного народного языка. Основой литературного языка в данном периоде не был живой народный язык. Поэтому в данном отрезке времени в спорах об литературном языке не были подняты проблемы диалектов» [1, с. 22].

Еще одним исследователем элементов «западно-тюркского языка» в литературном языке джадидского периода был прославленный узбекский писатель Пиримкул Кадыров. Он, анализируя слово «*туғдигим*» (где я родился), встречающийся в стихотворении джадидского просветителя Абдуллы Авлани, посвященный родному языку, пишет: «Турецкое или азербайджанское слово «*туғдигим*», встречающийся в творчестве Авлани не является случайностью, так как турецкий и азербайджанские языки намного раньше, чем узбекский язык вступили в путь современного прогресса. Абдулла Авлани старался использовать опыт этих языков в переход на основу живого народного языка. Поэтому в газетах, изданных Абдуллой Авлани, в его книгах встречаются довольно много турецких, азербайджанских слов, выражений... В одном месте Абдулла Авлани даже полностью выстраивает предложение на турецком «*баним қала-*

мим ила нашр ўлинажақ китоблар» (книги, издаваемые мной)» [5, с. 34].

Пиримкул Кадыров не старается оценивать роль и место таких элементов в произведениях Авлани как А. Боровков, а утверждает их как незначительное явление: «Такое подражание в языке произведений Абдуллы Авлани занимает незначительное место. Его учебники «Туркий гулистон» (Тюркский Гулистан), «Биринчи муаллим» (Первый учитель), «Иккинчи муаллим» (Второй учитель), «Адабиёт ёхуд миллий шеърлар» (Литература или национальные стихи) являются лучшими образцами того времени в эффективном использовании богатствами языка узбекского народа» [5, с. 35].

О заимствованных элементах с османского, азербайджанского и татарского языков в литературном языке джадидского периода можно встретит и в исследованиях по истории узбекской классической литературы. Эти элементы, с одной стороны, связаны с социально-политической средой, духовно-просветительской традицией данного времени, с другой стороны, объясняется тем, что джадидские просветители имели тесные личные связи с турецкими, азербайджанскими и татарскими коллегами и читали прессу, изданную на этих языках. Кроме того, произведения и статьи узбекских джадидских просветителей часто печатались в вышеназванных изданиях [6, с. 308–309].

В научных трудах по истории узбекской литературы можно встретит многочисленные информации о том, что узбекские просветители систематически читали некоторые журналы, изданные в Азербайджане: «Молодое поколение такие как Хамза, Садриддин Айни, Абдулла Кадыри, Суфизаде, Ажзи, Авлани и другие наряду со многими видными просветителями Средней Азии систематически читали журналы «Мулла Насриддин», «Дабиستان», издаваемые в Баку. В то время Авлани, Кадыри, Ажзи имели личные контакты с редактором журнала «Мулла

Насриддин» известным сатириком, получившим прозвище «азербайджанский Гоголь» Джалилом Мухаммаддулизаде» [6, с. 310].

Можно предположить, именно такие отношения стали основополагающим фактором влияния азербайджанского языка на язык произведений узбекских просветителей. Потому что, исследуемый период является самым сложным и щекотливым периодом развития узбекского языка. Влияние вышерассмотренных внешних факторов новому узбекскому языку, пытавшему определить первые лексические нормы, были естественным.

Именно такие выводы можно встретит в исследованиях произведений Хамзы Хакимзаде Ниязи: «Если рассматривать стихи Хамзы, написанные в 1914–1917 годах, то можно увидеть в них большое влияние татарской художественной культуры чем классической узбекской литературы. В его творчестве данного периода также присутствуют определённые элементы азербайджанской и османской литературы... Хамза даже старался широко использовать выражения и предложения, свойственные татарскому языку» [7, с. 452].

На исследуемую проблему также оказали влияние научное сотрудничество и научные исследования. Ш. Бабамурадова, исследовавшая лингвистическое наследие Элбека, отдельно подчеркивает данный факт: «В начале XX века в таких городах как Стамбуле, Казани, Баку, превратившиеся в центры науки и культуры начали действовать группы ученых языковедов, изучающие тюркские языки. Они, изучая проблемы букв, алфавита, правописания, начали составлять научную грамматику тюркских языков. В результате, появились «Қавоиди лисони туркий» (Грамматика тюркского языка), «Қавоиди туркий» (Тюркская грамматика) и другие произведения» [8, с. 6].

Как нужно оценивать влияние анализируемых лингвистических элементов на узбекский язык? Являются ли они заим-

ствованиями? Или можно ли понять, что эти элементы просто являются влиянием османского, азербайджанского, татарского языков на узбекский язык? Имеют ли эти элементы какое-либо отношение к *огузским компонентам*, встречающиеся в старо узбекском языке? Но, к сожалению, на эти вопросы пока нет ответа. Некоторую определенность к этим вопросам может внести теории, выдвинутые узбекским языковедом Азимом Хаджиевым. Он не придерживается к выводам, о том, что встречающиеся в узбекском языке в конце XIX – в начале XX века языковые элементы являются влиянием османского и азербайджанского языков и утверждает, что азербайджанские элементы существовали в истории узбекского языка еще задолго до этого времени. Он пишет: «В процессе формирования современного узбекского языка наблюдается использование элементов трех языков – азербайджанского, татарского и русского. Использование элементов азербайджанского языка очень мало и они, в основном, состоят из некоторых лексических и морфологических единиц. Но, этот факт будет правильным пояснить не непосредственным влиянием азербайджанского языка в формировании и развитии современного узбекского языка, а использованием в письме элементов, свойственных старо узбекской письменной речи. Например, в узбекском языке вместо форм *айтган, севган*, созданные аффиксом *-ган* случаи использования форм *айтмиш, севдиги* встречаются в источниках до XX века, относящиеся узбекскому языку. Эти использования продолжились и после революции. Некоторые из них, в частности, формы, создаваемые аффиксами *-миш, -диги* спустя некоторое время в законном порядке вышли из употребления, некоторые обосновались в литературном узбекском языке. Например, фактически форма глагола, создаваемая аффиксом *-моқда*, заимствованная с азербайджанского языка широко используется в современном узбекском языке. Значит, использование элементов азербайджанского языка в письменных источниках после революции нельзя рассматривать как непо-

средственное влияние азербайджанского языка в развитие узбекского языка, а нужно считать, как продолжением использования после революции элементов азербайджанского языка, широко потребляемой в старо узбекском языке» [9, с. 24].

А. Ходжиев также не придерживается определениям, в которых некоторые встречающиеся в языке данного времени лексические и морфологические элементы, свойственные татарскому языку являются причиной влияния татарского языка на узбекский язык: «В первых этапах развития узбекского литературного языка, в особенности, в письменных источниках, относящиеся к 20-годам XX века, наблюдается широкое использование некоторых лексических и морфологических элементов, свойственных татарскому языку. В частности, такие формы как *«айталар»*, *«ёзарга тегиш»*, *«айтарга мумкин»* являются широко использованными формами. Это явление нельзя объяснять влиянием татарского языка на развитие узбекского литературного языка. Это явление разъясняется несколькими причинами. Например, основной причиной является активное участие татарской интеллигенции в сфере прессы. Кроме того, неточное определение норм по всем направлениям узбекского литературного языка, не определение единицы, свойственной какому диалекту, как нормы для литературного языка также открыла дорогу использования элементов, присущих татарскому языку. Спустя некоторое время в результате определения единиц, рассматриваемых как норма для литературного языка, из узбекских диалектов, элементы, свойственные татарскому языку вышли из письма на законной основе. Значит, употребление элементов азербайджанского и татарского языков в письменных источниках того времени не является фактом, показывающим влияние этих языков на формирование и развитие современного узбекского языка» [9, с. 25].

Вышеприведенные выводы А. Ходжиева можно оценивать, как вид нового подхода к явлениям, рассматриваемых в данной статье. Наряду с этим, такие пробле-

мы как было ли межязыковое влияние важным фактором в тот период в употреблении элементов азербайджанского языка в истории узбекского языка или можно ли этот факт рассматривать как языковой параллель, появившийся от общности генетического источника этих языков, требуют отдельных исследований.

Выше было сказано, что татарская интеллигенция непосредственно активно участвовала в узбекской прессе рассматриваемого периода. Можно предположить, что именно они в процессе редактирования или подготовки газетного материала внесли огромное количество татарских выражений и слов в узбекский текст. В этом случае, татарских элементов, встречающихся в тексте можно оценивать не как *заимствование*, а как *вульгаризм*. Потому что, когда речь идет о влиянии на язык, нужно иметь в виду явления как заимствование, усвоение от одного языка к другому. Если эти элементы были бы заимствованиями, усвоениями узбекским языком, то они не так легко вышли бы из употребления.

Однако следует отметить, что татарские интеллектуалы были активны в пресс-институтах, а также в некоторых областях системы образования до 1930-х годов. Татарский, азербайджанский, особенно османский турецкий указывает на то, что пчела имела эффект. Но этот эффект, конечно, не был значительным, был временным и не стабилизировался. Огузский диалект не взял на себя инициативу. Это наглядно иллюстрируется состоянием формирования узбекского литературного языка во второй половине XIX века и, особенно, до 30-х годов двадцатого века, совершенством норм, стабилизацией языка прессы и литературных произведений. Таким образом, нельзя исключать, что язык на территории Узбекистана (сарты – чигатай – узбек) находился под влиянием западнотюркского языка в течение примерно 50 лет (полвека) и отражается как в прессе, так и в литературном и

научном языке. Это нормально для периода формирования. Поскольку мы продолжаем говорить о языке того периода, существуют противоречивые мнения о том, как будет выглядеть узбекский литературный язык начала 20-го века. Одна группа интеллектуалов выступала за то, чтобы литературный язык был таким же сложным и литературным, как и старый узбекский язык, в то время как другая группа выступала за то, чтобы язык был как можно более близким, понятным и легким для понимания. Так продолжалась борьба за формирование расы.

Сторонники первого взгляда обвинили сторонников второго взгляда в “приближении литературного языка к улице”. Об этом свидетельствуют идеи, опубликованные в периодических изданиях группой интеллектуалов в таких журналах, как «Окно», «Учитель образования», «Революция».

В конце можно сказать, что причины употребления элементов «западнотюркского языка» в узбекском литературном языке джадидского периода и проблемы их научной оценки требуют специального научного исследования с привлечением большого объема материалов.

Библиографический список

1. Боровков А. К. Узбекский литературный язык в период 1905–1917 гг. – Ташкент, 1940. – 103 с.
2. Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России конец XIX – начало XX в. – Москва, 1974. – 310 с.
3. Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. – Москва, 1967. – 133 с.
4. Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии. – Ленинград, 1989. – 207 с.
5. Қодиров П. Халқ тили ва реалистик проза (Народный язык и реалистическая проза на узб. яз.). – Ташкент, 1990. – 165 с.
6. Узбек адабиёти тарихи (История узбекской литературы на узб. яз.) : учебник. – Ташкент, 1980 – 388 с.
7. Ниёзий Ҳ. Ҳ. Тула асарлар туплами. Иккинчи том / Ҳамза Ҳакимзода Ниёзий. (Полное собрание сочинений. Второй Том / Хамза Хакимзода Ниязи. на узб. яз.) – Ташкент, 1988. – 297 с.

8. Бобомуродова Ш. Э. Ўзбек тилшунослиги ривожда Элбекнинг роли (Роль Эльбека в развитии узбекской лингвистики на узб. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 2002. – 26 с.
9. Совет даврида ўзбек адабий тилининг таракқиёти (Развитие узбекского литературного языка в советское время на узб. яз.). – Ташкент, 1988. – 230 с.
10. Махмудов Н. Тилимизнинг тилла сандиги (Золотой сундук нашего языка). – Ташкент, 2012. – 27 с.

© *Нормаматов С. Э., 2020.*